

Татьяна и Дмитрий Бальтерманцы. Август 1989 года. Финляндия. Одно из последних фото Дмитрия Бальтерманца

“он никогда не снимал “с фигой в кармане”

Ретроспективная юбилейная выставка Дмитрия Бальтерманца (ему исполнилось бы девяносто лет), крупнейшего фотожурналиста, открылась в Московском доме фотографии. С его дочерью Татьяной Бальтерманц встретила Татьяна Невская.

Представлены фотографии от начала сороковых годов и до конца восьмидесятых. Но военные его снимки — особая история. Во всем мире об этом периоде творчества вашего отца говорят как о высокохудожественной метафоре трагедии. В одной западной энциклопедии написано, что Бальтерманц, кроме военных фотографий, не сделал ничего. Быть может, это связано с неприятием советского времени. Что касается успеха его военных фотографий, понимаете, это же случайность. Если сегодня существует специализация «военный корреспондент» при наличии колоссального количества «горячих точек» в мире и у нас в стране, то тогда войну никто снимать не умел, а если и снимали, то с позиции пафоса скорой и неотвратимой победы. Трагедия, изображенная на снимке, должна была вселять надежду. Я думаю, сама война дала возможность целому ряду корреспондентов потом обнаружить у себя на пленках то, что мы сейчас считаем отображением общемирового смысла трагедии. Я в этом совершенно уверена.

Но популярность Дмитрия Бальтерманца как журналиста «Огонька» была не случайной. Это был абсолютно отдельный случай: первый советский иллюстрированный журнал с цветной печатью. Несколько десятилетий подряд советские люди выдирали иллюстрации из «Огонька» и приклеивали на стенку для украшения быта. Бальтерманц там работал с сорока пятого года. Журнал был органом ЦК, и отца аккредитовывали на все важные события страны — съезды, парады и демонстрации, зарубежные поездки с партийными лидерами...

Он не пропустил за все время работы в «Огоньке» ни одного парада. Но при этом он был «лицом» журнала, а не фотографом, обслуживающим правительство, как люди из ТАССа и АПН, которые иллюстрировали жизнь советского руководства. Помимо официоза в журнале были тематические спецрепортажи, которые предлагались «снизу», самими журналистами. Мой отец был практически везде: на крупнейших стройках, в республиках и самых дальних уголках — на Чукотке, к примеру. Главным редактором с 46-го по 53-й год был Сурков. У него подход к журналу был как у литератора. Печатались истории семей, всегда была проза с продолжениями, детективы, переводная литература. При всей лакировке действительности, которая была свойственна и иллюстрациям, отец был достоверным до беспредельности. Постановочная фотография в репортаже, в чем Бальтерманц был высоким мастером, очень широко использовалась им как жанр, который вообще не известен в мире. Но при этом фотографии отца обладали ценным свойством, их можно было рассматривать вне эпохи, это значит, что его собственное видение не было категорически злободневным. Бальтерманц был из очень интеллигентной семьи. Его дядя — известный лингвист, по сию пору издаются его словари латино-русские, древнегреческо-русские и т. д. Это с одной стороны. Кроме того, он закончил Московский университет, мехмат, что, я думаю, при уровне той профессуры давало не только знание математики, но и высокий общий уровень культуры.

Ваш отец столько лет проработал на одном месте при разных главных редакторах, как он с ними ужился? У него был очень интересный характер — он не был конформистом в отношении к жизни, но при этом никогда не вникал и не участвовал ни в каких брожениях, идейных течениях. Он был аполитичным человеком, профессионально пребывая на пике идеологических событий. Он сосуществовал и с Алексеем Сурковым, и с Анатолием Софроновым, и с Виталием Коротичем.

Видимо, его жизнь была настолько насыщенной, что он даже в отпуске никогда не ездил. Одна поездка, допустим, по Оби при всех советских возможностях чего стоила! Когда журналу «Огонек», то есть Бальтерманцу, нужно было отправляться в поездку, фрахтовался теплоход. Бальтерманц заранее договаривался на местах и умел все организовать. Пишущая и фотографирующая братия на обкомовском уровне отправлялась в путешествие на месяц. Он был страшно активным человеком и все время ездил. Но если смотреть на него как на творческую единицу, особых шедевров Бальтерманц не создал.

Что близко вам в творчестве отца? Он никогда не снимал «с фигой в кармане», пытаясь подловить момент. Из огромного количества материала лучшее шло в журнал, остальное — в архив, где были запечатлены, конечно, разные ситуации. Словом, например, улыбающийся, с обнаженными деснами, — этот снимок производил жуткое впечатление, но тогда его просто никому не показали и положили в архив. Это потом появилась тенденция делать компрометирующий кадр. Но это уже другой жанр.

Ваш отец принадлежал журналистской советской элите. Как это проявлялось в повседневной жизни? Он был барин. Хорош собой, элегантен, знал это. Великолепно мог брать на себя банкетные столы, притягивать внимание, особенно женщин. У него было чувство юмора. Что касается его творческой элитности, я продолжаю настаивать, что это было обусловлено именем, сделанным «Огоньком», в котором он работал. Я над ним подтрунивала и говорила, что у нас в стране корреспондент — холуйская работа. Потому что, когда находишься все время среди высокопоставленных лиц, когда они сидят, а ты их снимаешь, создается прикладной какой-то момент обслуживания. Я думаю, для сохранения чувства собственного достоинства он всегда держался «с барьером».